Канту и Гарнаку. Толстой — грубый раціоналистъ въ отношеніи къ догматамъ, его критика догматовъ элементарно-разсудочная. Онъ съ побѣдоноснымъ видомъ отвергаетъ догматъ Троичности Божества на томъ простомъ основаніи, что 1 не можетъ равняться 3. Онъ прямо говоритъ, что религія Христа — Сына Божьяго, Искупителя и Спасителя, есть сумасшествіе. Онъ непримиримый врагъ чудеснаго, таинственнаго. Онъ отвергаетъ самую идею откровенія какъ безсмыслицу. Почти невѣроятно, что такой геніальный художникъ и геніальный человѣкъ, такая религіозная натура, былъ одержимъ такимъ грубымъ и элементарнымъ раціонализмомъ, такимъ бѣсомъ разсудочности. Чудовищно, что такой гигантъ, какъ Л. Толстой, свелъ христіанство къ тому, что Христосъ учитъ не дѣлать глупостей, учитъ благополучію на землѣ. Геніальная религіозная натура Л. Толстого находится въ тискахъ элементарной разсудочности и элементарнаго утилитаризма. Какъ религіозная личность это — нѣмой геній, не обладающій даромъ Слова. И эта непостижимая тайна его личности связана съ тѣмъ, что все существо его пребываетъ въ Отчей Ѵпостаси и въ душѣ міра, внѣ Сыновней Ѵпостаси, внѣ Логоса. Л. Толстой не только былъ религіозной натурой, всю жизнь сгоравшей отъ религіозной жажды, онъ былъ и мистической натурой въ особомъ смыслѣ. Есть мистика въ „Войнѣ и мирѣ“, въ „Казакахъ“, въ его отношеніи къ первостихіямъ жизни; есть мистика и въ самой его жизни, въ его судьбѣ. Но мистика эта никогда не встрѣчается съ Логосомъ, т. е. никогда не можетъ быть осознана. Въ своей религіозной и мистической жизни Толстой никогда не встрѣчается съ христіанствомъ. Нехристіанская природа Толстого художественно вскрыта Мережковскимъ. Но то, что Мережковскій хотѣлъ сказать по поводу Толстого, тоже осталось внѣ Логоса, и христіанскій вопросъ о личности не былъ имъ поставленъ.

Очень легко смѣшать аскетизмъ толстовскій съ аскетизмомъ христіанскимъ. Часто говорили, что по своему моральному аскетизму Л. Толстой плоть отъ плоти и кровь отъ крови христіанства историческаго. Одни говорили это въ защиту Толстого, другіе ставили ему это въ вину. Но нужно сказать, что аскетизмъ Л. Толстого очень мало имѣетъ общаго съ аскетизмомъ христіанскимъ. Если брать христіанскій аскетизмъ въ его мистической сущности,